

1. Отношение Владимира Высоцкого к творчеству Владимира Маяковского

Сравнивать технику стихосложения Владимира Высоцкого и Владимира Маяковского я не собираюсь, это уже делали неоднократно с одним и тем же успехом, доказать невозможное или убедить в том, что не разглядеть даже под микроскопом.

Во всяком случае, Владимир Высоцкий никому не подражал, а творческий процесс во многом подчиняется одним и тем же законам и может показаться, что кто-то у кого-то был учеником, и кто-то у кого-то был учителем. Но у вдохновения и чувств не бывает, ни подражателей, ни духовных наставников, ни опытных учителей, - это строго индивидуальные качества, которые не передаются по наследству и не приобретаются в готовом виде, в качестве справочных пособий. Но большому поэту этих двух качеств, всё-таки недостаточно, - требуется ещё талант, а великому поэту, кроме этих трёх основных качеств, ещё необходимо приличное образование, или яркая, насыщенная всевозможными превратностями и приключениями, жизнь.

Не удивительно, что век поэтов недолог, даже если они продолжают писать и доживают до преклонных лет, потому что всё то, что было в их жизни, когда-то поэзией, загромождается повседневной прозой из повторяющихся сюжетов, в которых уже не ощущается прежняя новизна и неповторимый аромат утренней свежести.

Поэтому я буду говорить только об отношении Высоцкого к творчеству Маяковского, потому, что только отношение любого поэта к чему-то может раскрыть многое из того, что в последствии займёт определённое место в его творчестве и возможно поможет ему приобрести славу действительно народного поэта.

В своих воспоминаниях «Так начинался Высоцкий», его первая жена Изольда Высоцкая, когда говорит об отношении Владимира Высоцкого к поэзии, подчёркивает, что её муж в молодости не только любил, но даже «обожал» Владимира Маяковского («Вспоминая Владимира Высоцкого», М., Советская Россия, 1989, стр.41):

«...А что касается поэзии, то занимался он ею вначале постольку-поскольку – поздравительные стихи к дням рождения, к праздникам. Хотя поэзию он любил. А в молодости просто обожал Маяковского. Он был для него какой-то свой – то нежный, то темпераментный, но всегда очень человечный.

В студийные годы он просто лихо читал стихи Маяковского. Не так, как принято, было тогда его читать, а по-своему.

Маяковский у него получался очень простым и очень многообразным. Он наизусть читал и «Баню», и «Клопа».

В книге «Владимир Высоцкий – человек, поэт, актер», в своих воспоминаниях «Когда был Володя, замечательно было жить!» (М., Прогресс, 1989, стр.160), о Владимире Маяковском она написала несколько иначе. «Ещё он удивительно рассказывал Маяковского. Особенно «Клопа» и «Баню». Как будто к нам за ширму, по-домашнему, запросто набивались все персонажи (*этих пьес*), вольготно (*там*) располагались и действовали, всяк (*каждый раз*) на свой манер».

Много позднее, когда мы встретились, у него в кабинете висел портрет Пушкина. Это была его взрослая любовь...».

Разумеется, как повлияла поэзия Маяковского на творчество Высоцкого, можно только гадать, потому что поэтому поводу он никогда сам не высказывался, да и среди его большинства, так называемых «друзей», мало кто интересовался творчеством этого поэта и тем более любил его стихи. Но «уши» Маяковского выглядывают почти из каждой песни Высоцкого, будь то развитие сюжета, диалог, образность, можно сказать «фотографического качества», доходящая до стереоскопического восприятия персонажей в пространстве, приправленное определённой интонацией, для каждого выведенного в песне лица, не без доли доброго юмора и при этом со злой сатирой на нашу действительность. Самое главное, что Владимир Высоцкий не наступал «на горло собственной песне» и хотя его голос был намного тише Владимира Маяковского, но зато был мягче, доверительнее и понятнее народу, всем его социальным слоям.

я шагну
        через лирические томики,
как живой
        с живыми говоря.

Я к вам приду
        в коммунистическое далёко
не так,
        как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдёт
        через хребты веков
и через головы
        поэтов и правительств.

Мой стих дойдет,
        но он дойдёт не так, -
не как стрела
        в амурно-пировой охоте,
не как доходит
        к нумизмату стёршийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.

Мой стих
        трудом
        громаду лет прорвёт
и явится
        весомо,
        грубо,
        зримо,
как в наши дни
        вошёл водопровод,
сработанный
        ещё рабами Рима.

В курганах книг,
        похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
        с уважением
        ощупывайте их,
как старое,
        но грозное оружие...».

(ПСС, том 10, стр. 279-282)

Я не сомневаюсь, что именно всё так и будет и что Владимир Маяковский придёт к нам «в коммунистическое далёко», «через хребты веков», потому что на Земле «коммунистическое далёко», всё равно, когда-нибудь, станет реальностью. И действительно, всё так и будет, как бы того сейчас не хотела, забывшая про 1917 год, недобитая, и не сделавшая для себя никаких выводов, как это сделал весь цивилизованный мир, временно взявшая верх в России и породнившаяся с ельцинским криминалитетом, «буржуазия».

А Владимир Маяковский всё равно, при всём неприятии к нему правящего сейчас в России «класса», находит понимание даже у детей и молодёжи.

В 1986 году, мой сын Володя пришёл из «Политехнического музея», где для детей читал стихи артист Александр Сергеевич Леньков. Прочитанное там Леньковым в манере сценического вхождения в образ литейщика Ивана Козырева, вселившегося в новую квартиру, стихотворение Владимира Маяковского, настолько поразило тогда моего сына, что он не поверил, что всё, что он увидел и почувствовал, у Маяковского действительно

написано:
«Хол.»,
на кране другом -
«Гор.».

Придѣшь усталый,
вешаться хочется.
Ни щи не радуют,
ни чая клокотанье.
А чайкой поплещешься -
и мѣртвый расхохочется
от этого
плещущего щекотания.

Как будто
пришѣл
к социализму в гости,
от удовольствия -
захватывает дых.
Брюки на крюк,
блузу на гвоздик,
мыло в руку
и...
бултых!

Сядешь
и моешься
долго, долго.
Словом,
сидишь,
пока охота.
Просто
в комнате
лето и Волга -
только что нету
рыб и пароходов.
Хоть грязь
на тебе
десятилетнего стажа,
с тебя
корою с дерева,
чуть не лыком,
сходит сажа,
смывается, стерва.

И уж распаришься,
разжаришься уж!
Тут -
вертай ручки:
и каплет
прохладный
дождик-душ
из дырчатой
железной тучки.
Ну ж и ласковость в этом душе!
Тебя
никакой
не возьмѣт упадок:
погладит волосы,

Что ж, бери меня хваткой мёрзкой!
Бритвой ветра перья обрей.
Пусть исчезну, чужой и заморский,
под неистовства всех декаблей. (1916)
[ПСС, том 1, стр.130-131]

**«ЛЕВЫЙ МАРШ» (Матросам), слова Владимира Маяковского, автор музыки Ennio Morricone,
исполнение Бориса Ветрова:**

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше слово, товарищ маузер.

Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой! Левой! Левой!

Эй, синеблузые! Рейте!
За океаны! Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!

Пусть, оскалась короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой! Левой! Левой!

Там за горами горя
солнечный край непочатый.
За голод за мора море
шаг миллионный печатай!

Пусть бандой окружают нанятой,
стальной изливаются леевой,-
России не быть под Антантой.
Левой! Левой! Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое станем ли пялиться?
Крепи у мира на горле
пролетариата пальцы!

Грудью вперёд бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой! Левой! Левой! (1918)
[ПСС, том 2 стр.23-24]

«ЛИЛИЧКА» (Вместо письма), слова Владимира Маяковского, музыка нескольких исполнителей, в том числе и под гитару:

Дым табачный воздух выел.
Комната - глава в крученьховском аде.
Вспомни - за этим окном впервые
руки твои, испуганный, гладил.

Сегодня сидишь вот, сердце в железе.
День ещё - выгонишь, можешь быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет

сломанная дрожью рука в рукав.

Выбегу, тело в улицу брошу я.
Дикий, обезумлюсь, отчаяньем иссецась.
Не надо этого, дорогая, хорошая,
дай простимся сейчас.

Всё равно любовь моя - тяжкая гиря ведь -
висит на тебе, куда ни бежала б.
Дай в последнем крике выреветь
горечь обиженных жалоб.

Если быка трудом уморят - он уйдёт,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей, мне нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.

Захочет покоя уставший слон -
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей, мне нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.

Если б так поэта измучила, [-] он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.

И в пролёт не брошусь, и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною, кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.

Завтра забудешь, что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметённый карнавал
растреплет страницы моих книжек...

Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться, жадно дыша?
Дай хоть последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

(26 мая 1916, Петроград)

[ПСС, том 1, стр.107-108]

Когда говорят о Владимире Высоцком, то только с кем его не сравнивают и в какой ряд с какими только писателями не ставят. В связи с этим считаю уместным привести в этой статье отрывок из книги Николая Константиновича Вержбицкого «Встречи с Есениным» (Тбилиси, Заря Востока, 1961), где рассказывается о встрече двух великих поэтов (Есенина и Маяковского) в Тифлисе в сентябре 1924 года:

«...Утром я застал Маяковского в больших хлопотах. Он - с бритой головой, в одних трусах - весело налаживал купленный им за границей походный душ, состоявший из резиновой лохани, резинового ведра и резиновой же кишки с кругом, надеваемым на плечи.

- Чудесная штука! - восклицал Владимир Владимирович, пристраивая ведро где-то у самого потолка. - Верх портативности и предел удобства!.. Баня - в кармане!

Возясь с душем, он передавал мне разные московские новости и между прочим сообщил, что видел в Москве только что вышедшую в свет мою книгу по истории письменности, книжного и газетного дела.

- Нужная книжка! - сказал он. - Ведь мы, пишущие люди, ни черта не знаем о полиграфии!.. Для нас изготовление книги или газеты такая же тайна, как булки для кисейных барышень, уверенных, что хлебулочные изделия растут на деревьях!

И снова принялся что-то мастерить, на все лады расхваливая свое «чудо портативности». Однако утреннее омовение у него не состоялось: оторвался резиновый круг, и его нечем было прикрепить.

- Возмутительно! - гремел Маяковский, крупно шагая по номеру и на каком-то грузинском диалекте отчитывая коридорного, а вместе с ним и всю гостиничную администрацию, у которой не оказалось ни проволоки, ни клещей, ни даже молотка. - Безоружны! Беззаботны! Баре! А зайдите в любую рабочую семью, там всё под рукой: и клей, и гвозди, и плоскогубцы, и напильник... Уж там не побегут к соседям выклянчивать верёвочку!..

Когда мы расставались, Владимир Владимирович попросил меня сообщить редактору «Зари Востока», что он приготовил для газеты две «подвальные» вещи. Одна называлась «Владикавказ-Тифлис» (это были дорожные впечатления и размышления во время проезда по Военно-Грузинской дороге), другая имела отношение к Пушкину и называлась «Юбилейное».

Владимир Владимирович разрешил мне просмотреть эту рукопись. Она была ещё не совсем готова, и в ней было много поправок. С недоумением и досадой я прочёл:

Ну Есенин,
    мужиковствующих свора.
Смех!
    Коровою
        в перчатках лаечных.
Раз слушаешь...
        но это ведь из хора!

Балалаечник!
    [«Юбилейное», ПСС, том 6, стр.52-53]

- Неужели вы в ссоре с Есениным?! - с тревогой вырвалось у меня. - Нисколько! На лице у Марковского играла добродушная улыбка... «Вот - неугомонный задира!» - подумал я, притворяя за собой дверь.

Надо же было так случиться, что как раз в эти дни в Тифлисе появился и Есенин!.. В горячий полдень шёл я по проспекту Руставели и наблюдал, как по самой середине этой красивой улицы, мешая трамвайному движению, мешая извозчикам, собирая огромные толпы зевак на тротуарах, медленно движется большая похоронная процессия. Впереди гроба бодро шагало человек двадцать музыкантов-дудукистов. Надувая щёки, они извлекали из своих инструментов пронзительную мелодию.

Я провожал глазами скорбное шествие, и вдруг мой взгляд остановился на поразительно знакомом затылке, вернее - на шапке волнистых, отливающих светлой медью волос.

Я догнал толпу, зашёл сбоку и увидел, что не обманулся. За гробом шагал Сергей Есенин. Это казалось совершенно невероятным. Протискиваюсь через толпу, хватаю поэта за руку. И вот мы уже на тротуаре.

- Говори же скорей, какими ветрами пригнало сюда твой непутевый корабль?! - спрашиваю я. - Да так... вздумалось... Был у себя, в Константинове... пожил в Баку... Теперь вот здесь...

И на лице знакомая, немножко растерянная, как будто извиняющаяся улыбка человека, не способного даже самому себе дать ясный отчёт: зачем, действительно, он приехал в столицу Грузии.

- А кого хоронишь?

Оказывается, Есенин просто шёл по улице, его увлекла музыка, и он присоединился к процессии. Решил побывать и на кладбище.

Ему сказали, что в Грузии есть обычай: сидя на могиле, пьют вино, поливают вином землю, принявшую покойника, бьют в бубны, поют и играют те самые песни, которые при жизни больше всего любил усопший...

- В общем, очень хорошо прощаются! - закончил свои объяснения Сергей. - Вот и нам бы так хоронить!

Я глядел в его глаза, цвета немного полинявших на солнце васильков и думал: «Все тот же ты людских судеб печальный соглядатай». Спросил:

- Где ты остановился?

- У одного человека... ты его не знаешь, - последовал ответ.

Этим человеком, как потом выяснилось, был какой-то инженер, с которым Есенин случайно познакомился; в поезде!

- Ну, а в редакцию «Зари Востока» заходил?

- Пока нет...

Я сообщил, что недавно в Тифлис приехал Маяковский. Есенин сразу и охотно согласился навестить его.

Редакция издательства «Заря Востока» считает нужным сделать оговорку, что ни в каких других известных ей воспоминаниях современников и литературных материалах, относящихся к данному периоду, описываемая автором этой книги встреча Есенина с Маяковским в Тбилиси не упоминается.

Владимир Владимирович встретил Есенина с большим и вполне искренним дружелюбием, крепко пожал ему руку...

Впоследствии Маяковский писал:

«В эту пору я встречался с Есениным несколько раз: встречи были элегические, без малейших раздоров. Я с удовольствием смотрел на эволюцию Есенина от имажинизма к ВАППу. Есенин с любопытством говорил о чужих стихах. Была одна новая черта у самовлюбленного Есенина: он с некоторой завистью относился ко всем поэтам, которые органически спаялись с революцией, с классом и видели перед собой большой и оптимистический путь. В этом, по-моему, корень поэтической нервозности Есенина и его недовольства собой, распираемого вином и черствыми и неумелыми отношениями окружающих... У Есенина появилась даже какая-то явная симпатия к нам (лефовцам): он шёл к Асееву, звонил по телефону мне, иногда просто старался попасться»...

[Как отмечает редакция «Зари Востока»], *все эти замечания Маяковского относятся к периоду, непосредственно предшествовавшему поездке в Грузию, [но Владимир Маяковский дальше отметил, не только это, но ещё многое такое, что так поразительно напоминает последние дни Владимира Высоцкого]:*

[Он обрюзг немного и обвис, но всё ещё был по-есенински элегантен. Последняя встреча с ним произвела на меня тяжёлое впечатление. Я встретил у кассы Госиздата ринувшегося ко мне человека с опухшим лицом, со свороченным галстуком, с шапкой, случайно державшейся, уцепившись за русую прядь. От него и двух его тёмных (для меня, во всяком случае) спутников несло спиртным перегаром. Я буквально с трудом узнал Есенина. С трудом увильнул от немедленного требования пить, подкрепляемого помахиваниями густыми червонцами.

Я весь день обращался к его тяжёлому виду и вечером, разумеется, долго говорил (к сожалению, у всех всегда такое дело так и ограничивается) с товарищами, что надо как-то за Есенина взяться. Те и я ругали «среду» и разошлись с убеждением, что за Есениным смотрят его друзья – есенинцы.

Оказалось не так. Конец Есенина огорчил, огорчил обыкновенно, по-человечески. Но сразу этот конец показался совершенно естественным и логичным.

Я узнал об этом ночью, огорчение, должно быть, так бы и осталось огорчением, должно быть и подрастало бы к утру, но утром газеты принесли предсмертные строки: «В этой жизни умирать не ново, \ No и жить, конечно, не новей.

После этих строк смерть Есенина стало литературным фактом. Сразу стало ясно, сколько колеблющихся этот сильный стих, именно – стих, подведёт под петлю и револьвер. И никакими, никакими газетными статьями этот стих не аннулируешь. С этим стихом можно и надо бороться стихом и только стихом.

Так поэтам СССР был дан социальный заказ написать стихи о Есенине. Заказ исключительный, важный и срочный, так как есенинские строки начали действовать быстро и без промаха. Заказ приняли многие. Но что написать? Как написать?

Появились стихи есенинских друзей, статьи, воспоминания, очерки и даже драмы. По-моему, 99% написанного об Есенине просто чушь или вредная чушь.

Мелкие стихи есенинских друзей. Их вы всегда отличите по обращению к Есенину, они называют его по-семейному – «Серёжа» (откуда это неподходящее слово взял и Безыменский) «Серёжа», как литературный факт – не существует. Есть поэт – Сергей Есенин. О таком и просим говорить.

Введение семейственного слова «Серёжа» сразу разрывает социальный заказ и метод оформления. Большую, тяжёлую тему слово «Серёжа» сводит до уровня эпиграммы или мадригала.

И никакие слёзы поэтических родственников не помогут. Поэтически эти строки не могут впечатлять. Эти стихи вызывают смех и раздражение.

Стихи есенинских «врагов», хотя бы примерённых его смертью, это – поповские стихи. Эти просто отказывают Есенину в поэтическом погребении из-за самого факта самоубийства...

Разбирая дальше «творения» разных авторов, Владимир Маяковский выделяет главное в предсмертных строках стихотворения Сергея Есенина, - его концовку в

самоубийственных словах о том, что «умирать «не ново», но и «жить, конечно, не новой»:

...Одним из серьёзных моментов стиха, особенно тенденциозного, декламационного, является концовка. Иногда весь стих переделываешь, чтобы только была оправдана такая перестановка. В стихе о Есенине (*Владимира Маяковского*) такой концовкой, естественно, явилась перефразировка последних есенинских строчек...

В этой жизни помирать не трудно,
Сделать жизнь значительно трудней.
[ПСС, том 7, стр. 105]

Полностью историю о встречах Владимира Маяковского с Сергеем Есениным, а также «создания» им стихотворения «Сергею Есенину» можно прочитать в Полном Собрании Сочинений Владимира Маяковского (М., Художественная литература, 1959, том 12, стр. 93-115).

А теперь снова вернёмся к воспоминаниям Николая Вержбицкого, которые мы оборвали на словах Маяковского при встрече с Есениным:

...Спросил, как-то по-особенному взглянув на Сергея Александровича:

- Из Москвы?
- Почти...
- Бежали от столицы?
- От себя! - кратко, но многозначительно ответил Есенин.

Чтобы больше не касаться московских тем, они начали говорить о заграничье, где оба побывали совсем недавно. Почему-то, не помню, разговор зашёл об иностранной рекламе, и Маяковский с досадой признался, что купленный им в Берлине и так здорово разрекламированный коммод душ совершенно отказался действовать...

Есенин слушал, сочувственно качая головой, а потом сказал:

- Послушайте, Владимир Владимирович, да стоит ли волноваться? Вам хочется приятных омовений? Но ведь мы же находимся в городе, который, как я слышал, на весь мир знаменит своими серными ваннами! Плюньте на патентованные души и - айда в баню!

Это заявление буквально ошеломило Маяковского. Он, будто сражённый, упал в кресло и в шутовском отчаянии заявил, что «убит, уничтожен, опозорен на всю жизнь!»

- Ну, как же это я - грузин, и вдруг забыл такую самоочевидную вещь?! - кричал он. - Конечно, сейчас же, сейчас же на фаэтон и - к Орбелиани!

Это была самая лучшая серная баня того времени.

И вот мы прибыли в серные бани. Разделись. Юркие, жилистые «мэкисе» (*банщики*) обдали нас водой, велели лечь ничком на каменные диваны и честно выполнили над нами весь обширный ритуал восточного массажа. Мокрыми шерстяными рукавицами они содрали с нас все брэнное. Потом взяли в руки полотняные мешки, надули их, сжали ладонями... и на каждого из нас неслышно опустился огромный, неосызаемый холм мыльной пены. Ловкие руки разогнали её по всем закоулкам. И, наконец, последний легкий шлепок по спине означал, что с мытьём закончено!

Мы погрузились в бирюзовые волны мраморного бассейна. Рядом падала горячая струя источника, разбиваясь на мелкие зеленоватые брызги. Сюда же нам подали крепкий «ширин-чай» с вареньем из лепестков розы.

Выйдя из бани, мы отправились на Пушкинскую в подвальчик «Симпатия». Не знаю, как сейчас, а в то время это было место, куда стекались самые привередливые чревоугодники.

Здесь, например, подавали рыбку «цоцхали», которую, прежде чем зажарить в сухарях, живую бросали в лохань с вином, и рыбка отправлялась на раскалённую сковородку «вдребезги пьяная».

Здесь ели подрумяненные колбаски - «купаты» с бараньим фаршем, перемешанным с рубленым чесноком, толчёными грецкими орехами и рубиновыми зёрнами граната. Здесь готовили сочную осетрину, поджаренную на вертеле, и ели её, горячую, заливая холодным терпким «нашараби», приготовленным из вываренного сока гранат...

Наконец, в «Симпатии» можно было получить самое лучшее кахетинское вино: выдержанное, молодое, процеженное, непроцеженное, креплёное, натуральное, подслащённое и терпкое, белое, розовое и чёрное...

Когда мы сели за стол, внимание Есенина привлекли стены подвальчика. Они были покрыты тёмным лаком, сквозь который проступали портреты целой галереи знаменитых людей: Пушкина, Шота Руставели, Христофора Колумба, Шекспира и, т. д. Все лица были выписаны в восточном вкусе.

- Между прочим, читал я и ваше «Юбилейное», - сказал Есенин, обращаясь к Владимиру Владимировичу. - Там у вас есть кое-что про «балалаечника»... Простите, но я этого на себя не принимаю, и обижаться не хочу... Дело вкуса! Но, может быть, вы послушаете и моё?

И Есенин стал читать своё только что написанное стихотворение «На Кавказе». Когда он дошёл до четверостишия:

Мне мил стихов российских жар —
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поёт о пробках в Моссельпроме...

Владимир Владимирович улыбнулся и тихо произнес:

- Квиты...

Но Есенин, видимо, только ещё собирался брать реванш. Постучав папироской о пепельницу, он слегка притронулся к колену Маяковского и, вздохнув, произнес:

- Да... что поделаешь, я, действительно, только на букву «Е». Судьба! Никуда не денешься из алфавита!.. Зато вам, Маяковский, удивительно посчастливилось, - всего две буквы отделяют вас от Пушкина...

Есенин имел в виду следующие строки из стихотворения Маяковского «Юбилейное», [посвящённого А.С.Пушкину], напечатанного в «Заре Востока» 7 сентября:

[Мне
при жизни
с вами
сговориться надо].
Скоро вот
и я
умру
и буду нем.
После смерти
нам
стоять почти что рядом:
вы на Пе,
а я
на эМ.
[Кто меж нами?
с кем велите знаться?!
Чересчур
страна моя
поэтами нищá
Между нами
- вот беда –
позатесался Нádсон.
Мы попросим,
чтоб его
куда-нибудь
на Ща!]
[ГСС, том 6, стр. 51-52].

И, сделав короткую паузу, неожиданно заключил:

- Только две буквы! Но зато какие - «Н» и «О»! А это частица «Но»

При этом Сергей Есенин высоко над головой помахал пальцем и произнес эта так: «Н-н-но!», предостерегающе растянув букву «Н».

Потом эту шутку подхватил талантливый московский пародист А.Архангельский и использовал её в одном из своих произведений.

А на его лице в это время была изображена строгая гримаса.

Раздался оглушительный хохот... Смеялся Маяковский. Он до того был доволен остротой, что не удержался, вскочил и расцеловал Есенина.

О многом говорили мы в этот вечер. Не помню, в связи с чем, зашёл разговор о Берлине, где недавно побывали и Есенин и Маяковский. Владимир Владимирович, зная, каким скандалом кончилась встреча Есенина с писателями-белоэмигрантами, от которых он на банкете потребовал, чтобы они спели «Интернационал», - угрюмо заметил по этому поводу:

- Нет, я бы так не поступил... Я, на худой конец, сам бы спел, а поручать белым не стал бы... Есенин пожал плечами и промолчал.

Уже было за полночь, когда мы ехали по домам, минуя улицы притихшего города. Есенин и Маяковский сидели рядом, я - на передней скамеечке. Мы устали от разговоров. Хотелось помолчать...». [В квадратных скобках уточнения и дополнения автора статьи].

Прочитать полностью книгу Николая Верзбицкого «Встречи с Есениным» можно на сайте: <http://esenin.ru/vospominaniya/verzhbitskiy-n-vstrechi-s-eseninim.html>.

Надеясь, что теперь читателю станет понятно, что ставить Владимира Высоцкого с кем-то в один ряд или между кем-то, так же глупо и смешно, как это получилось даже у Владимира Маяковского, поставившего себя рядом с Александром Пушкиным. При этом он не придал значения, что стоящие между ними буквы в алфавитном порядке, сливаясь в «НО», создают между ними не «союз», а прямое «возражение» или самое настоящее непреодолимое «препятствие».

Объединяет же Высоцкого, Есенина и Маяковского только одно – смерть в полном одиночестве. Не смотря на то, что в тот роковой день 25 июля 1980 года в квартире Владимира Высоцкого было полно «друзей» и посетителей, смерти его, просто никто не заметил. Все настолько «устали от него», что никого, в минуту его смерти, не оказалось рядом с его кроватью.

О чём думал в свою последнюю минуту Владимир Высоцкий, никто не может сказать и даже предположить, но в любом случае, не о том, что у него много «друзей», особенно тех, кто его своим «сердобольством» загнал в могилу.

Не знаю, насколько точно и верно передал атмосферу смертного часа Владимира Высоцкого Перевозчиков Валерий Кузьмич в своей книге «Высоцкий: Правда смертного часа. Посмертная судьба» (М., Вагриус, 2006), но я всё-таки посчитал нужным включить отрывок из этой книги в свою статью:

«24-25 июля (ночь). Последний день жизни Владимира Высоцкого...

А людям, которые были в тот день на Малой Грузинской или приезжали туда, день казался более или менее нормальным... Нормальным для состояния В.В. в такие периоды...

Теперь создается впечатление, что все как будто оцепенели. Какая-то трагическая беспомощность... И какой-то трагический рок в этих последних днях.

Янклович [Валерий Павлович, главный администратор Театра на Таганке, организатор многих концертов Владимира Высоцкого, в последние годы он входил в очень узкий круг самых близких его людей]:

«Володя задремлет на минутку - и снова бегаёт по комнате... Попросил Оксану посидеть около себя при Нине Максимовне - она приехала рано утром...».

Оксана [Афанасьева-Ярмольник - последняя любовь Владимира Высоцкого, самый близкий человек последних двух лет его жизни, в 1982 году, вышла замуж за артиста Леонида Ярмольника]:

«На следующее утро приехала мама... Я приехала или ночевала? Валера, все эти дни и ночи - как один кошмарный сон, у меня все это слилось, спеклось в один комок...

Наверное, ночевала... Каждый час Володя просыпался, ходил по квартире... Я или ходила вместе с ним, или делала тёплую ванну... Уже не знаешь, что делать, чем помочь?»

Янклович:

«Утром я уехал на работу, Оксана осталась... А меня сменила мать (Нина Максимовна Высоцкая), она пришла... Володя всё время ходил по комнате, метался, стонал... Рвался куда-то... Мы поставили кресло у двери...»

Оксана:

«Утром я сходила на рынок, купила клубники и немного покормила его клубникой со сливками...»

Янклович:

«Оксана принесла ягоды. Как сейчас помню, кормила его клубникой со сливками. Была мать... Оксана никогда не оставалась при Нине Максимовне, а в тот день осталась... Вот тогда же Володя посмотрел на меня совершенно ясными глазами и сказал:

- Вот, а ты говорил, что мать её никогда не примет...

Я говорю:

- Нет, Володя, этого не может быть...».

Оксана:

« - Кто-то пришел, надо было сделать чай... А Нина Максимовна говорит:

- Нет-нет... Я сама сделаю... Вы идите к Володе...

Володя ходил, стонал, кричал... И я ходила вместе с ним... Потом я сделала тёплую ванну - это снимает ломку... Его же ломало, он всё время метался, он места себе не находил...».

Янклович:

«Мы поставили кресло у двери... Приезжал Туманов, был Сева (Абдулов), Толя Федотов... Володя рвался, пытался выскочить на площадку... Мы ему наливали в рюмку чай, а края мазали коньяком...

За эти дни он находил, наверное, много десятков километров... А в день накануне смерти Володя задыхался, стонал, всё рвался куда-то... Практически в полубессознательном состоянии... И вдруг подходит ко мне, смотрит на меня совершенно ясными глазами и говорит:

- Ты знаешь, я, наверное, сегодня умру...

Тут я не выдержал...

- Как тебе не стыдно! Посмотри, сколько людей крутится вокруг тебя! Как тебе не стыдно бросаться такими фразами. Успокойся, приляг... Ведь у всех - силы уже на исходе...

А я, действительно, был на исходе сил. Ведь все остальные более или менее менялись, а я практически круглые сутки был с ним..."

Оксана:

«Володя знал, что он умрёт... У него болело сердце. Я сказала Федотову:

- Толя, у него болит сердце.

- С чего ты взяла?

- Но он же все время хватается за сердце. Я же вижу, что оно на самом деле у него болит.

- Да ладно, он такой здоровый, - еще нас с тобой переживет.

А Володя сел в кресло и говорит:

- Я сегодня умру.

- Володя, что ты всякую ерунду говоришь?!

- Да нет. Это вы всякую ерунду говорите, а я сегодня - умру.

То есть Володя всё предчувствовал, всё точно знал..."

Абдулов [Всеволод Осипович, актёр МХАТа, большой друг Владимира Высоцкого]:

«24 июля я снова прилетел. Была прекрасная погода, а я метался по Днепропетровску, пытаюсь достать билет... Все-таки достаю билет в олимпийскую Москву, что было очень сложно...

Прилетел ещё в первой половине дня, сразу поехал к Володе. Он нормально ходил... Ну, нормально для его состояния. Но всё время хватался за сердце. Я говорю:

- Ну, Володя, уж сердце у тебя было самым крепким органом, - и ты видишь, что творится!

- Ну, хорошо... 27-го у меня последний «Гамлет», после этого сразу поедem в Одессу, - и всё будет в порядке...

Там начинались съёмки «Зелёного фургона», мы уже говорили, что будем снимать в любимых местах, вспоминали Санжейку...

Как считает Валерий Перевозчиков, « вполне вероятно, что Высоцкий говорил это, чтобы сделать приятное своему другу, - он давно отказался от идеи постановки фильма..., т. к. у него уже был билет в Париж на 29 июля.

Потом приезжали люди от космонавтов... Я вышел на улицу, встретил их... Сказал, что Володя плохо себя чувствует, что он сегодня не сможет...

В это время на орбите работали космонавты Леонид Попов и Валерий Рюмин, а 24 июля произведён запуск корабля с Виктором Горбатко и вьетнамским космонавтом Фам Туаном.

А они говорят:

- Как? Мы же договорились! Там люди ждут! Это же прямая связь с космосом и ребята на орбите ждут!

Я говорю:

- Вы поймите, Володя сам переживает по этому поводу... Он очень хотел. Но это просто невозможно!

Валерий Перевозчиков комментирует, что как будто, действительно, «на 24 июля был назначен прямой сеанс связи с космосом и Владимир Высоцкий обещал принять участие в этом сеансе.

Янклович:

«Приехали от космонавтов... Мы с Севой (*Абдуловым*) внизу им сказали, что Володя в больнице... Они, вроде, ушли. Но эти люди нам не поверили и через некоторое время вернулись. И поднялись на восьмой этаж. К счастью, в это время Володя не стонал... Вышла Нина Максимовна и сказала, что Володи нет дома. Тут они ушли окончательно».

Карякин [*Юрий Фёдорович, литературовед, автор инсценировки спектакля «Преступление и наказание» по Ф.Достоевскому, который стал последней премьерой Владимира Высоцкого на сцене в роли Свидригайлова в 1979 году*]:

«Я откуда-то знал, что Володя в эти дни должен был петь для космонавтов, - прямая связь с космосом...»

Янклович:

«Ну, вот... После этого сидим мы все... Я караулю у дверей, чтобы Володя не выскочил, Сева (*Абдулов*) сидит на диване...

- Давайте что-то решать! Может быть, его все-таки положить в больницу?!

Я все время - к матери:

- Ну что, Нина Максимовна, будем сдавать в больницу?!

Я тогда говорил, что не надо ждать завтрашнего дня... А Володя же мне сказал:

- Не дай Бог! Не дай Бог, если ты меня отправишь в больницу. Всё - между нами всё кончено!

Поэтому и просили Нину Максимовну, чтобы она взяла это на себя...

И к Севе:

- А ты-то что молчишь?

Но Сева был тогда после аварии - немного заторможенный...

После шести приезжает Федотов.

Федотов [*Анатолий Павлович, личный врач-реаниматолог Владимира Высоцкого, спасший ему жизнь 25 июля 1979 года в Бухаре*]:

«Я приехал с дежурства. Была Нина Максимовна... Я взялся за пульс - это было часов в шесть... Ну, думаю, надо "лекарство" привезти...»

Абдулов:

«Я был до вечера. Уехала Нина Максимовна... Вечером у меня была репетиция на дому у одного режиссёра... Когда я уехал, оставались Янклович, Федотов и ещё одна девушка...»

Янклович:

«Федотов приехал... В 10 часов вечера уходит мать (*Нина Максимовна*). В 11 – Сева (*Абдулов*). До этого я ездил в театр, меня освободили от работы...».

Оксана:

«Меня больше всего поражало и обижало - никто не оставался! Приехали, посидели, поели, попили чайку - и пошли домой. И всё прекрасно! Никому не хотелось сидеть с Володей и не спать ночами... Все устали от этого, - ведь у всех были свои проблемы, своя жизнь...».

Янклович:

«Внизу, ниже этажом, жил профессор Мазо - уролог, хирург. На следующий день ему предстояла операция. От него звонили несколько раз. Это было вечером...».

Оксана:

«Главное было - чтобы Володя не кричал... Люди уже осатанели от этого... А операция? Могло и не быть у Мазо никакой операции... Всё замечательно, когда Володя здоровый, можно пригласить его в гости...»

- Вот. Сам Высоцкий...

А когда Володя умирает?

- Или пусть замолчит, или увези его к себе!

Они же постоянно звонили: то шубу зальют им, то еще что...

- Прекратите орать! Дайте нам выспаться! Ты что, ничего не можешь сделать?»

Янклович:

«И вот тут был звонок от Мазо... И Федотов хотел привязать ему ноги простынями, чтобы он не рвался и не бился головой... Мы его перенесли в большую комнату на маленькой тахте... Федотов его наколол... Позвонила жена Мазо:

- Валерий Павлович, я вас очень прошу... У мужа завтра операция...»

Оксана:

«От него все действительно устали... Они взяли и привязали его простынями... Ну, как привязали... Прибинтовали простынями к этой узкой тахте, чтобы он не рвался. То есть простыни обвязали вокруг кровати. Потом сели на кухне, выпили по рюмочке, вздохнули грустно. И когда все ушли, бутылка осталась на кухне - недопитая.

Я сижу, плачу над ним. Володя успокоился, я его развязываю... И вдруг он открывает глаза - абсолютно нормальные, ясные...

- Оксана, да не плачь ты. Пошли они все...

А потом:

- Вот я умру, что ты будешь тогда делать?

- Я тогда тоже умру...

- Ну, тогда - ладно... Тогда - хорошо...».

В это время на Малую Грузинскую приезжает Аркадий Высоцкий.

Аркадий Высоцкий [*Аркадий Владимирович, сын Владимира Высоцкого и Людмилы Абрамовой, родился 29 ноября 1962 года в Москве - российский актёр и киносценарист*]:

«Прошло три-четыре дня, и я решил возобновить попытку (*попросить отца помочь поступить в институт*)... Я знал, что отец болен, но не думал, конечно, что это кончится так трагически...

В этот момент я уже чётко понимал, что не поступил, - надо было что-то решать с институтом... И только вмешательство отца могло помочь. Это было двадцать четвертое число, у меня уже было собеседование, и мне сказали, что я не прошёл. Я поехал к нему поздно, часов, наверное, в десять.

Мне было страшно неудобно... Я долго стоял в подъезде, видел, что все время выходят какие-то люди - явно знакомые лица, но они, конечно, меня не замечали. Минут сорок я простоял в таком состоянии, потом решил подняться. Звонил по телефону каждые пять минут, никто не брал трубку...

Я поднялся. Дверь открыл Янклович. В квартире был Нисанов - это я видел точно. И у меня такое впечатление, что был Игорь Годяев, потому что я видел из двери весь коридор... Когда Валерий Павлович (*Янклович*) увидел меня, он начал потихонечку оттеснять меня от двери... Но я увидел, что за его спиной прошёл отец, спрашивая:

- Кто там? - И было видно, что он чувствует себя ещё хуже, чем в прошлый раз...

А меня обозлило, что все они тогда (*Валерий Перевозчиков уточняет - 20 июля*) отца бросили, и я сделал попытку зайти в квартиру. Обозлило и то, что Туманов сказал, что они не хотят класть его в больницу...

Так я понял, что не хотят... И я хотел зайти и как-то поучаствовать, но Янклович довольно настойчиво - без грубостей, конечно, - вытеснил меня на площадку... Закрыл за собой дверь и стал говорить, что сейчас они повезут его в больницу... Что всё это очень тяжело...

Янклович откровенно говорил, что отец колется, он не считал нужным от меня это скрывать... Минут десять мы постояли... Он сказал, чтобы я не волновался... Чтобы спокойно ехал домой, а утром позвонил... Это было, наверное, уже ночью - часа за четыре до смерти отца...

Оксаны в тот момент не было - по крайней мере, не было в поле моего зрения. А если бы она была, то она была бы с отцом... В тот момент там не пили, - по крайней мере, никакого буйного веселья там не было...

Но там уже была какая-то истерика, произошёл какой-то скандал... У Валерия Павловича (*Янкловича*) прыгала челюсть».

Оксана:

«Никакого скандала там не было. Может быть, приходил Мазо, а я куда-то вышла? Но скандала точно не было. И уж никакого буйного веселья в эти дни и быть не могло».

Аркадий Высоцкий:

«Конечно, я понимаю, что все они очень по-разному относились к отцу в эти дни. Одно было общим - все от него смертельно устало... Но кто-то продолжал хладнокровно тянуть деньги... А кто-то искренне переживал... Вот что я точно знаю: Игорь Годяев переживал по-настоящему, - я это видел потом. Валерий Павлович (*Янклович*) тоже переживал по-своему, - он рыдал 25-го возле отца...».

После этого, а может быть, чуть раньше, уезжает Анатолий Федотов.

Федотов:

«Я поехал на Бауманскую - к своей знакомой... Пробыл там часа два, а потом вернулся на своей тачке...».

Янклович:

«Я уехал домой во втором часу ночи... Мне надо было отдохнуть, привести себя в порядок, - у меня уже сил не было... Всё это длилось почти неделю... Я всё время ждал Федотова...

Перед отъездом мы с Федотовым перенесли Володю из кабинета в гостиную, поставили тахту перед телевизором..."

Приезжает Анатолий Федотов.

Федотов:

«Валера (*Янклович*) уехал... А Володя как всегда: «А-а... О-о...». Ладно, думаю, может, переберется... Но ночь у него была очень хреновая - надо было взять и увезти в больницу... Почти всю ночь не спал... Потом он попросил водочки, я, честно говоря, тоже с ним засадил... Рюмочку. Но я же измотанный, уставший - слабость... Час, два... Володя всё маялся...».

Нисанов [*Валерий Натанович, фотохудожник, сосед Владимира Высоцкого по дому, который всегда был готов с ним составить компанию для выпивки*]:

«Примерно в два часа ночи мне позвонил Федотов:

- Принеси немного шампанского. Володе нужно.

Я принёс шампанское и ушёл спать».

Есть ещё несколько интересных высказываний Валерия Нисанова о Владимире Высоцком и его последних днях, которыми можно дополнить книгу Валерия Перевозчикова:

Газета «Каретный ряд», № 14 (43), июль, 1991 год:

«С Высоцким, - вспоминает Нисанов, - я познакомился на Матвеевской, где Володя снимал квартиру. А в 1975 году мы с Володей стали соседями по дому и подъезду на Малой Грузинской улице: Володя жил на восьмом этаже, я - на десятом...»

...24 июля где-то до часу ночи у меня сидели Вадим Туманов, Сева Абдулов, Володя Шехтман, Валера Янклович...

Около двух часов позвонил Федотов: «Принеси Володе немного шампанского». Я принёс бутылку и поднялся к себе.

Проснулся от звонка в дверь. Валерий Янклович сказал: «Володя умер».

В большой комнате уже сидел Юрий Петрович Любимов. Он звонил Гришину, потом Андропову: можно ли хоронить Владимира Высоцкого из театра? Ведь он не был ни народным, ни заслуженным.

Гришин ответил: хороните, как хотите... хоть, как национального героя...

На следующий день мы поехали на Ваганьковское кладбище. Директор долго водил нас по окраинам... Потом Кобзон зашёл с ним в кабинет - и мы получили это место»

[*Полностью статью «Две судьбы мои – кривая да нелёгкая», можно прочитать на сайте http://www.odin-fakt.ru/vysockii/dve_sudby_moi__krivaya].*

Оксана:

«Не знаю почему, но Толя (*Федотов*) Володину кровать, на которой его и прибинтовали - нет, я уже всё развязала... Эту кровать он перенёс из маленькой комнаты в большую. Один перенёс, и Володю перенёс туда - и положил туда...

По-видимому, он что-то такое успокоительное колол... Или дал выпить? Я не знаю, но Володя всё время стонал... Всё время какие-то звуки. А тут очень быстро прекратились всякие звуки... А перед этим у него было абсолютно ясное сознание. Он говорит:

- Ну, чего ты плачешь? Не плачь, все будет нормально...

- Володя, я пойду посплю!

- Ну, иди поспи...

А перед этим Толя (*Федотов*) говорит:

- Я сегодня останусь, ты сегодня отдохни.

А я же все эти ночи не спала! И какие это были ночи! То я с балкона его вытаскивала - сейчас он бросится... То в туалет водила, то в ванную... То бегала к таксистам шампанское покупать, если ему нужно было...

И вот я пошла спать, говорю Толе (*Федотову*):

- Толя, ты не будешь спать?

- Я посижу, ты иди, поспи...

По всей видимости, - так считает Валерий Перевозчиков, - последними слова Высоцкого были эти, обращённые к Оксане: «Иди, поспи...».

И я пошла... А тут прекратились всякие звуки - поэтому я и заснула. Потому что мёртвая тишина! Ну, думаю, - Володя заснул, и я могу поспать...».

Федотов:

«Час, два, три... Володя всё маялся. Я уснул, может быть, часа в три... Прилёг и, видимо, уснул... Где-то с трёх до половины пятого, - в этом промежутке *он и умер*...

Меня как будто подбросило... Руки ещё теплые, пульса нет, зрачки не реагируют... Во сне - инфаркт... Судя по клинике - инфаркт...»

С А.П.Федотовым было несколько разговоров о последних часах Высоцкого. Приведем еще один его рассказ:

«Я сделал укол снотворного... Час, два... Володя всё маялся... Потом затих. Ну, думаю, уснул... Он уснул на маленькой тахте, которая тогда стояла в большой комнате...

А я был со смены - уставший, измотанный. Прилёг и уснул - наверное, часа в три.

Проснулся от какой-то зловещей тишины - как будто меня кто-то дёрнул. И к Володе! Зрачки расширены, реакции на свет нет. Я давай дышать (*Валерий Перевозчиков уточняет* - делать искусственное дыхание «рот в рот») - а губы уже холодные... Поздно».

Оксана:

«И вот я пошла спать. Легла... И как мне показалось - прошло одно мгновение! Как бывает, когда глаза закрыл, сразу заснул, а тебя тут же разбудили. Вот такое состояние... Но, наверное, прошло часа два или час... Ну, очень мало времени, потому что я ушла спать часа в два... Я заснула, потому что наступила мёртвая тишина...

Мне кажется, что как только я заснула, влетел Толя (*Федотов*):

- Оксана! Володя умер!

Я ничего не понимаю, вскакиваю и бегу туда, вижу - лежит Володя.

- Толя! Давай делать искусственное дыхание!

- Всё! Ему уже поздно!

То есть он дал ему это лекарство - и заснул! И здесь, на диване в большой комнате и уснул. А когда проснулся - увидел, что Володя уже мёртвый. Значит, минут сорок прошло.

А может быть, всё это было и не так - это я сейчас анализирую...

Так... Когда я ушла, Володя ещё не спал, он мне сам сказал:

- Пойди отдохни...

Толя (*Федотов*) тут же перенёс кровать из кабинета, маленькая кровать такая - тахта. Он её поставил в большой комнате, перевёл Володю. Он поставил её от телевизора - ногами к двери. А сам лёг на диван. Уснул. И, видимо, Володя быстро умер...

И когда я влетела в комнату, я взяла Володю за руку. А когда я отняла свою руку, остались отпечатки моих пальцев. То есть на его руке остался след. Он уже не был тёплый, он был холодный! Всё! Уже покойник!

И у него были открыты глаза! То есть Володя не спал, когда умер. Значит, он умер не во сне... Вот так...

Конечно, Володя умер от скопления всего - тут масса причин... А то, что Толя (*Федотов*) дал это лекарство, - может быть, только толчок...».

Приведем еще один - более поздний рассказ Оксаны Афанасьевой о последних часах Высоцкого:

«Вот, что я вспомнила! Ведь наш последний разговор был в кабинете! Володя остался лежать там, на этой маленькой кровати...

- Ну, как ты себя чувствуешь?

- Нормально. Ты иди, поспи.

А почему Володя оказался в большой комнате? Может быть, он его раньше перенёс? (Об этом же говорит и В.П.Янклович.)

В столовой оставалась недопитая бутылка водки... А в большой комнате она стояла уже пустая. Толя (*Федотов*) её допил. И может быть, он хотел посмотреть телевизор? А может быть, в шоке - после смерти перенёс его туда... Но зачем? Он же ко мне не сразу прибежал...

- Толя, надо делать искусственное дыхание!

- Поздно! Я уже пробовал. Я уже пытался всё сделать.

Володя был уже холодный. И даже чувствовался лёгкий сладковатый запах. Значит, прошло часа полтора-два».

Федотов:

«Судя по клинике, был острый инфаркт миокарда... Я - будить Оксану (*Афанасьеву*)! Сам растерялся, конечно. А она - в истерику! Раза три в обморок падала. Я совладал с собой - по щекам её... Водой отливал... Я понимал, что лишних людей тут не должно быть:

- Ну-ка, давай - собирайся быстренько!

Отправил её...».

Оксана:

«Толя (*Федотов*) всё это выдумал. Я никуда не уезжала, я осталась. Толя (*Федотов*) ведь - истерик. Я была собрана как никогда. Он ничего не мог делать. Я позвонила Боровским...».

Федотов:

«Тут же я позвонил Янкловичу, Туманову... Вызвал ментов, чтобы не было слухов... Есть протокол - «ненасильственная смерть»... Пока Вадим (*Туманов*) и Валера (*Янклович*) ехали, пришли менты...

Когда? Я кинулся к Володе в полпятого... Пока обзванивал... Ещё вызвал «скорую» - для очистки совести... Да... Бросился я к нему, к Высоцкому... А он - труп! Что делать?..

Я до сих пор себе не прощу... Валера (*Янклович*) передал его мне с рук на руки... А надо было... Во-первых, надо было его забрать в больницу - 23-го... А днём надо было сесть на машину и ехать за наркотиками... Заснул я, наверное, на час, задремал...

Смог ли бы я ему помочь? Трудно сказать, но я бы постарался сделать всё. До сих пор не могу себе простить, что заснул тогда. Прозевал, наверное, минут сорок».

Янлович:

«Толя (Федотов) потом этим так мучился... Он же попробовал на себе - сам стал употреблять наркотики, чтобы найти выход. Однажды прибежал ко мне такой радостный:

- Всё! Я нашёл способ! Теперь бы я его спас!

Но и он не смог победить эту болезнь, - от нее и умер».

Баранчиков [*Владимир Иванович, заведующий отделением Центральной республиканской больницы, хороший знакомый Владимира Высоцкого, оперировал его отца - Семёна Владимировича Высоцкого*]:

«Толя (Федотов) настолько Володю любил, что шёл до конца. Вы знаете, что значит списать пустую ампулу, да ещё в Олимпиаду?! А Федотов доставал любыми путями.

И никому не доверял Володю. Ну, может быть, его методы не сходились с методикой других специалистов, да и в этом деле он был не очень опытным доктором. И поймите, тогда от наркомании ещё никто не излечивался».

Емельяненко, [*Юрий, знакомый Владимира Высоцкого*]:

«Толя Федотов пил беспробудно - и на похоронах, и на девять дней, и на сорок. Он считал себя виновным в смерти Володи: вроде бы, как заснул... Ведь Володя настолько верил в него, настолько это демонстрировал и говорил всем, что Толя его личный врач.

Никто из ребят не считал его виновным, нет, Боже упаси...

Филатов [*Олег, травматолог, знакомый Владимира Высоцкого*]:

«Ну что, Толя Федотов... Зря он себя так казнил. Володя сам себя износил: и свой организм, и свой мозг...

Хотя если у меня на операционном столе умирает совершенно безнадежный больной, тоже возникает чувство вины. Думаешь, может быть, надо было сделать не так, а по-другому... Впрочем, такое «самобичевание врача...»

Валерий Перевозчиков уверяет, что «перед самым выходом его книги «Высоцкий: Правда смертного часа. Посмертная судьба», работник аппарата Министерства внутренних дел России сообщил ему, что в августе-октябре 1980 года проводилось предварительное расследование «О неумышленном убийстве Высоцкого», причём выдвигалась совершенно другая версия его смерти.

Итак, время смерти Высоцкого, скорее всего, 3 часа 30 минут или может быть, 3 часа 40 минут, а не 4 часа или 4 часа 20 минут, как принято считать сейчас.

Янлович:

«Я приехал домой, отключил телефон... У меня уже сил не было - всё это длилось уже почти неделю. Но вдруг меня, как будто дёрнули - я вскочил и включил телефон. И сразу же раздался звонок! Звонил Толя Федотов:

- Валера, срочно приезжай! Володя умер!»

Оксана:

«Все стали приезжать... Когда Володя умер, у меня ещё неделю вот здесь, на руках, были синяки. Он всё время держал меня за руку»...

[Из этого фрагмента книги Валерия Перевозчикова автором статьи исключены все упоминания о лицах, которые выражали своё сочувствие по телефону или по каким-то причинам не могли к нему приехать, хотя очень хотели, потому что и так достаточно «фактов», чтобы понять, кем на самом деле были, «лучшие друзья» Владимира Высоцкого]

Полностью с книгой Валерия Перевозчикова «Высоцкий: Правда смертного часа. Посмертная судьба», можно на сайте <http://1001.ru/books/vysotskij/028.htm>.

Последние часы и минуты жизни Владимира Высоцкого – подробности и недомолвки его друзей, как это всё мелко и пошло, даже противно комментировать. Поэтому автор этой статьи лучше сам попробует спеть, каким он был и как от нас ушёл:

Уж, каким Высоцкий был,
Не прибавить, не убавить,
Ездил где, летал и плыл,
Можно памятники ставить.

Только главное не в том,
Где и как увековечен,
И каким крещён попом,
Если к Богу выйти не с чем.

Говорил, - «есть что сказать,
Там представ перед Всевышним»...
Вот бы нам, всё также знать,
Врать о нём не прекратившим.

Сон друзей его сморил,
И последней мысли строчка,
Понеслась в загробный мир,
Не с многоточием, а с точкой.

Примут там, какой он есть,
Не убавить, не прибавить,
И его нательный крест,
Там уж некому поправить,

Там ведь главное не в том,
Где и как увековечен,
И каким крещён попом,
Если к Богу выйти не с чем...

Читаешь книгу Валерия Перевозчикова, где события, хронологически больше запутываются, чем дают объективную картину последних трагических дней в жизни Владимира Семёновича Высоцкого и понимаешь, что во всех воспоминаниях его друзей, ничего нет другого, кроме желания оправдаться и переложить ответственность друг на друга.

Конечно, 25 июля 1980 года Владимира Высоцкого можно было бы спасти, но только для того, чтобы он умер, как и его предшественники Александр Галич и Булат Окуджава в Париже, и при этом «сжимая до синяков» руку, не молодой любовницы, а своей законной супруги - Марины Влади.

И вполне вероятно, что западные спецслужбы постарались бы, чтобы он умер со словами, похлещи, чем у Сергея Есенина, напечатав их на первых полосах самых массовых периодических изданий, из которых фраза «лучше умереть от передозировки наркотиков, чем жить в империи зла», была бы просто безобидной шуткой.

В связи с бойкотом почти всеми западными государствами Спортивных Игр XXII Олимпиады, которая проходила в Москве с 19 июля по 3 августа 1980 года, в виду ввода советских войск в Афганистан, такой сценарий событий, накануне похорон Владимира Высоцкого, вполне мог развиваться, со всеми вытекающими из этого последствиями.

При наличии подобных заявлений в западной прессе, даже если бы Марина Влади того пожелала, чтобы её мужа похоронили в Москве, это могло вызвать у партийного руководства СССР негативную реакцию и Владимира Высоцкого похоронили бы так же, как Александра Галича, на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Так что не будем фантазировать дальше и разбираться, кто был виноват в смерти Владимира Высоцкого, если и так уже всем понятно, что никто другой, как он сам, а не какие-то «органы» и тем более, не такая ненавистная всем его «друзьям» Советская власть.

Автору статьи остаётся только выразить своё мнение, которое, конечно, мало кого интересует, так что приходится выражаться стихами, которые можно было бы назвать песней:

Ушёл певец на редкость скромно
Не попрощавшись под конец,
Но популярности огромной,
Его не вынесли венец.

Как прежде он любим народом,
И всех не раз ещё взбодрит,
Как мало тех, кто с переходом,
В иной мир – может говорить!

Теперь же стерпят не такое,
И время вспять не побежит,
Ничем властей не беспокоя,
Он на Ваганьковском лежит.

Хотя есть кладбище престижней,
Но Новодевичье для тех,
Кто не считал его при жизни,
Поэтом, за его успех